

УДК 343.3/7; 343.83

**ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКАМИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ С
ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТКИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А.

В статье приводится уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС), сопряженного с применением пытки. Обращается особое внимание на новое законодательное понятие пытки. Подробно рассматриваются основные криминогенные признаки пытки, дается их анализ. Делается вывод о том, что юридическая оценка пытки, как способа превышения должностных полномочий, должна быть дана в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации во избежание существующего на сегодняшний день оценочного подхода к толкованию.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации; превышение должностных полномочий; пытка; сильная боль; физические страдания; нравственные страдания; вред здоровью.

Современный период развития УИС характеризуется сложными процессами, следствием которых неизбежно становятся различные факты нарушения законности. Деятельность сотрудников УИС сопряжена с исполнением с их стороны официальных должностных полномочий по реализации особой функции государства – правоохранительной. Вместе с тем, многие сотрудники пренебрегают принципом законности при выполнении своих должностных обязанностей, вследствие чего выходят за рамки предоставленных им полномочий, причиняют ущерб гражданам, обществу и государству.

Более того, именно неправомерная деятельность ряда должностных лиц УИС, нашедшая свое отражение в применении к осужденным, подозреваемым и обвиняемым пыток и бесчеловечных условий содержания в процессе их нахождения в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в различных регионах Российской Федерации повлекли за собой колоссальный общественный резонанс, следствием которого стали как реформы организационного характера на самом высшем уровне Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), так и законодательной основы регулирования ответственности за подобные преступления.

Так, точки зрения уголовного законодательства преступные действия должностных лиц являются уголовно наказуемыми и квалифицируются при необходимых условиях по специальной норме – ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий. В соответствии с Федеральным закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» данная статья претерпела существенные изменения, которые затрагивают в первую очередь сферу деятельности УИС. В частности, эта статья была дополнена новыми признаками, отягчающими ответственность: особо квалифицирующим признаком по ч. 4 ст. 286 УК РФ, предусматривающим превышение должностных полномочий

с применением пытки и особо квалифицирующим признаком по ч. 5 ст. 286 УК РФ, предусматривающим причинение по неосторожности смерти потерпевшему или тяжкий вред его здоровью в результате применения пытки [4]. Острые научные дискуссии относительно содержания понятия «пытки» и места данного признака в структуре ст. 286 УК РФ разворачивались еще до официального изменения ее содержания [1, с. 23–26; 8, с. 25–28].

Ввиду сказанного, рассмотрение вопросов юридической квалификации преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, в контексте применения пытки со стороны должностных лиц УИС, является крайне актуальным и значимым в современных условиях, определяющим новый вектор развития уголовного законодательства и его применения в области обеспечения безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

В первую очередь отметим, что законодательное закрепление запрета на применение пытки обусловлено положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в частности – ст. 3 под названием «Запрещение пыток», где указывается, что «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [2]. Данный постулат был воспринят Конституцией Российской Федерации в ч. 2 ст. 21 и долгие годы подкреплялся уголовным законодательством, а именно – п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, предусматривавшим ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ, совершенные с применением пытки.

Определение пытки было включено в примечание ст. 117 УК РФ несколько позднее, чем была утверждена ее изначальная редакция, а именно – в 2003 г. и звучало как «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях» [5]. С 14 июля 2022 г. данное примечание утратило силу, а преступление, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ, – декриминализировано.

Законодатель, перенеся состав пытки в категорию «должностных» преступлений не обошел стороной юридическое закрепление официальной терминологии. Так, в примечании 1 к ст. 286 УК РФ отныне закрепляется толкование термина «пытка»: «под пыткой понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

Исходя из представленного определения выделим криминообразующие признаки, присущие пытке, как уголовно-правовому явлению.

1. Специальные потерпевший, т.е. лицо, которое задержано по подозрению в совершении правонарушения или преступления, либо которое находится в статусе подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего.

2. Альтернативность преступного поведения виновного, который в рамках применения пытки может либо действовать, либо бездействовать. Ввиду этого, считаем

необходимым привести в соответствие обновленному законодательному подходу п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [7] исключив из его содержания словосочетание «активных действий», заменив словосочетанием «действий или бездействия».

3. Общественно опасные последствия в виде сильной боли, физических или нравственных страданий потерпевшего. Полагаем, что это ключевой признак, по которому совершаемое преступление расценивается в качестве пытки. Но в то же время, такие критерии, как «сильная боль» и «нравственные страдания» являются оценочными. Например, болевой порог у каждого человека разный и, соответственно, одинаковое воздействие на тело у одних потерпевших может вызывать тот самый сильный приступ боли, вплоть до потери сознания, а у других – терпимые болевые ощущения. Особенность физических страданий в рассматриваемом контексте состоит в том, что потерпевшему не причиняется вред здоровью какой-либо тяжести, а за счет физического воздействия (активного или пассивного) ухудшается общее состояние его организма. Нравственные страдания исходя из гражданско-правового подхода относятся к разряду морального вреда [6]. Но ведь любое преступление вызывает определенные переживания у потерпевшего. Поэтому для признания нравственных страданий в качестве последствий именно пытки, необходима комплексная оценка психоэмоционального состояния потерпевшего, которое у него было во время соответствующего преступного деяния и после.

4. Цель пытки, которая является альтернативной и предусматривает следующие стремления и побуждения виновного, к достижению которых он стремится или которыми он руководствуется:

- 1) получить от потерпевшего или третьего лица сведения;
- 2) получить от потерпевшего или третьего лица признания;
- 3) наказать потерпевшего за действие, которое совершило оно или третье лицо;
- 4) наказать потерпевшего за действие, в совершении которого он подозревается;
- 5) запугать потерпевшего или третье лицо;
- 6) принудить потерпевшего или третье лицо к чему-либо;
- 7) по любой иной причине, основанной на дискриминации любого характера.

5. Специальный субъект пытки, которым выступает должностное лицо.

В примечании 2 к ст. 286 УК РФ законодатель делает оговорку о том, что «не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями». Вместе с тем, какие именно правомерные действия могут причинять подобного рода страдания законодатель не уточняет. По всей видимости данный вывод необходимо будет делать суду в каждом конкретном случае индивидуально. Для этого полагаем, что суду необходимо прежде всего изучать обстановку применения действий, подпадающих под признаки пытки и соотносить их с компетенциями должностного лица, которые для реализации правил примечания к ст. 286 УК РФ должны обуславливать правомерность таких действий с его стороны.

В качестве примера можем привести водворение осужденных, злостно нарушающих порядок отбывания лишения свободы, в штрафной изолятор, в помещении

камерного типа или единое помещение камерного типа. Такие меры хотя и приносят определенные страдания осужденным, но являются правоверными процедурами по сдерживанию их противоправной активности в силу законодательного закрепления (ч. 2 ст. 71, ч. 1 ст. 115, ст. 118 УИК РФ). Главное здесь, чтобы должностные лица соблюдали соответствующие правила и не прибегали к необоснованному применению указанных мер. В противном случае можно вести речь о соответствующем превышении должностных полномочий.

В качестве особо квалифицирующих признаков по ч. 5 ст. 286 УК РФ предусматриваются такие общественно опасные последствия, как смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью. Заметим, что данные общественно опасные последствия в редакции ст. 286 УК РФ от 2022 г. распространяются только если наступили в результате применения пытки к потерпевшему по ч. 4 ст. 286 УК РФ.

Относительно момента медицинского и юридического определения смерти человека в науке дискуссий не возникает. Все ученые единодушны во мнении, что смерть связывается с необратимыми биологическими процессами, протекающими в мозге человека, приводящими к летальному исходу. Например, современный исследователь А. П. Кузнецов дает следующее определение смерти: «Под смертью человека понимается завершение жизни, при котором прекращается деятельность центральной нервной системы, в результате чего в коре головного мозга наступает необратимый процесс распада белковых тел, и восстановление жизнедеятельности организма становится невозможным» [3, с. 29].

Констатация смерти законодательно регламентирована в ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека». А более детальные правила определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедуры установления смерти человека, утверждены постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека». Обращение к этим документам необходимо не столько с юридической точки зрения вопроса, сколько с медицинской. Ведь для подтверждения факта смерти необходимо получить соответствующее медицинское заключение.

Термин «здоровье» законодательно закреплен уже давно и обладает уголовно-правовой окраской, поскольку выступает одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны. Само же понятие «вред здоровью» может характеризоваться большим количеством признаков, которые указаны в диспозиции уголовно-правовых норм. Отправными служат признаки, закрепленные в общих нормах статей 111, 112, 115 УК РФ. На основании этого можем полагать, что норма, закрепленная в ч. 5 ст. 286 УК РФ, в этом контексте является бланкетной. Это означает, что для квалификации деяния по ней и установления наличия общественно опасного последствия в виде причинения вреда здоровью, необходимо обращаться к разъяснениям на уровне Министерства здравоохранения и содержанию общих норм, предусматривающих уголовную ответственность за причинение вреда здоровью различной степени тяжести. Соответственно криминогенным значением для квалификации по ч. 5 ст. 286 УК РФ обладает наступление у потерпевшего медицински подтвержденного диагноза, в соответствии с которым его здоровью причинен лег-

кий, средней тяжести или тяжкий вред здоровью. При этом дополнительной квалификации по указанным нормам о вреде здоровью не требуется.

В заключении рассмотрения вопросов правовой регламентации превышения должностных полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной системы России с применением пытки на современном этапе мы приходим к выводу о том, что данный обновленный уголовно-правовой институт в будущем послужит определенным стимулом к правопослушному поведению соответствующих должностных лиц. Вместе с тем правоприменительной практике только предстоит апробировать обновленные законодательные предписания и очевидно, что могут возникнуть определенные трудности. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», обновив п. 19 и дополнив новыми пунктами об основных правилах квалификации по признакам ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ.

Список литературы:

1. Дядкин, О.Н. Проблемы совершенствования статьи 286 УК РФ: нормы международных актов и российский опыт / О.Н. Дядкин, М.Н. оглы Ахмедов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2021. – № 1. – С. 23–26.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2001. – № 2, ст. 163.
3. Кузнецов, А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ / А.П. Кузнецов // *Российский следователь*. – 2020. – № 11. – С. 28–31.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2022. – № 29 (часть III), ст. 5274.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ] // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2003. – № 50, ст. 4848.
6. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33] // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2023. – № 2.
7. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19: в ред. от 11 июня 2020 г. № 7] // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2009. – № 12; *Российская газета*. – 2020. – № 138.
8. Пошелов, П.В. Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершенным сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации / П.В. Пошелов // *Российский судья*. – 2022. – № 6. – С. 25–28.

N. A. Gorshkova, T. A. Zezulina. Abuse of official powers by employees of the penitentiary system of Russia with the use of torture: issues of legal regulation at the present stage // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 458-463.

The article provides a criminal-legal description of abuse of power by employees of the penitentiary system of Russia (hereinafter referred to as the penitentiary system), associated with the use of torture. Special attention is paid to the new legislative concept of torture. The main criminogenic signs of torture are considered in detail, their analysis is given. It is concluded that the legal assessment of torture, as a way of abuse of power, should be given in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in order to avoid the currently existing evaluative approach to interpretation.

Keywords: employees of the penitentiary system of the Russian Federation; abuse of power; torture; strong pain; physical suffering; moral suffering; harm to health.

Spisok literatury:

1. Djad'kin, O.N. Problemy sovershenstvovaniya stat'i 286 UK RF: normy mezhdunarodnyh aktov i rossijskij opyt / O.N. Djadkin, M.N. ogly Ahmedov // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. – 2021. – № 1. – S. 23–26.
2. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod: [zakljuchena v g. Rime 4 nojabrja 1950 g.] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2001. – № 2, st. 163.
3. Kuznecov, A.P. Ugolovno-pravovaja ohrana obshhestvennoj bezopasnosti: nauchnyj obzor st. 207.2 UK RF / A.P. Kuznecov // Rossijskij sledovatel'. – 2020. – № 11. – S. 28–31.
4. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: [feder. zakon ot 14 ijulja 2022 g. № 307-FZ] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 29 (chast' III), st. 5274.
5. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: [feder. zakon ot 8 dekabrja 2003 g. № 162-FZ] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2003. – № 50, st. 4848.
6. O praktike primenenija sudami norm o kompensacii moral'nogo vreda: [postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 nojabrja 2022 g. № 33] // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2023. – № 2.
7. O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochijami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij: [postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16 oktjabrja 2009 g. № 19: v red. ot 11 ijunja 2020 g. № 7] // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2009. – № 12; Rossijskaja gazeta. – 2020. – № 138.
8. Poshelov, P.V. Analiz sudebnoj praktiki po prestuplenijam, predusmotrennym ch. 3 st. 286 UK RF, sovershennym sotrudnikami Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij Rossijskoj Federacii / P.V. Poshelov // Rossijskij sud'ja. – 2022. – № 6. – S. 25–28.